

Татьяна Солодкова

**ПРЫГАТЬ С ПЛАТФОРМЫ
ЗАПРЕЩАЕТСЯ**

Татьяна Солодкова

**Прыгать с платформы
запрещается**

«Автор»

2026

Солодкова Т.

Прыгать с платформы запрещается / Т. Солодкова — «Автор»,
2026

Женя внезапно получила в наследство домик в деревне и теперь направляется в Нижние Ложкари. Казалось бы, обычная деловая поездка, однако все с самого начала идет не так: Женю никто не встречает, нотариуса нет на месте, а мобильная связь отсутствует. Что скрывают деревенские? Почему один из местных жителей так странно смотрит на Женю, и почему она сама не может оторвать от него глаз? И главный вопрос: как сегодня может быть четверг, если четверг был вчера?***- небольшая повесть,- все не то, чем кажется сначала,- все совсем не то, чем кажется сначала,- автор помнит имена героев, а если покажется, что не помнит, то это неспроста.

© Солодкова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Солодкова

Прыгать с платформы запрещается

Глава 1

Круг первый

«Уважаемые пассажиры! Поезд прибывает на станцию «Нижние Ложкари». При открытии дверей не выходите на платформу до полной остановки состава. Соблюдайте осторожность, не подходите к краю платформы. Прыгать с платформы запрещается!» — сообщили из громкоговорителя. И Женя, заранее сделавшая музыку потише, чтобы не пропустить объявление, принялась сматывать наушники — убрать в сумку.

Проводные наушники — настоящий антиквариат, сто лет не пользовалась и еще столько бы о них не вспоминала. Но что делать, если Юлька не только взяла материны беспроводные без спроса, но и умудрилась утопить их в луже во время недавнего дождя? Ох уж эти подростки!

Знай Женя заранее, конечно же, озаботилась бы покупкой новых. Однако, когда обнаружилась пропажа, до вылета рейса оставалось слишком мало времени, и пришлось довольствоваться тем, что есть — старенькой гарнитурой с тонкими перекрученными проводами, которая по чистой случайности обнаружилась в комоде.

Но это все мелочи. Особенно когда пришлось сперва лететь через полстраны, потом ночевать в гостинице (Женя всегда с трудом засыпала на новом месте), а затем с утра пораньше бежать на электричку, которая, как выяснилось, следовала в Нижние Ложкари лишь один раз в день.

Женя предпочла бы такси и подъем в более щадящее время, но администратор гостиницы рассоветовал: дороги плохие, а такси в городе в основном «пузотерки». Вот и пришлось вставать ни свет ни заря и мчаться на вокзал.

Так что все другие мелкие неудобства вроде наушников действительно ерунда. Сейчас перед Женей стояла главная задача — решить все дела до вечерней электрички в обратную сторону, чтобы не застрять тут до завтра.

Если прошлой ночью Женя толком не сомкнула глаз в номере весьма неплохого городского отеля, то какой станет ночевка в захолустной деревушке? Да и найдется ли здесь место, где можно остановиться хотя бы с маломальским комфортом? Проверять ей точно не хотелось.

«Станция «Нижние Ложкари». При выходе из вагона соблюдайте осторожность. Прыгать с платформы запрещается!» — проскрипело из громкоговорителя.

Женя подхватила сумку и поспешила к дверям.

Из остановившегося состава на платформу, прямо за которой высился довольно густой, на первый взгляд, лес, вышла только Женя. Сухой жаркий ветер пахнул в лицо и разметал волосы. Короткие, недавно подстриженные под каре пряди вернулись на место, хлестнув кончиками по шее, и Женя автоматически пригладила их рукой. А когда проморгалась от набившейся в глаза пыли, электричка уже подала предупредительный сигнал и поспешила дальше по маршруту.

Немногочисленные пассажиры провожали пустую платформу и оставшуюся на ней однуединственную женщину безучастными взглядами.

Женя с тоской посмотрела вслед уносящемуся составу, оставившему ее в бог знает в какой глухомани, снова пригладила волосы, в очередной раз пообещав себе, что теперь-то уж

точно отрастит их до такой длины, чтобы можно было при необходимости собирать в хвост, передернула плечами и решительно зашагала по платформе.

Ничего, она все равно тут ненадолго. Всего и дел, что добраться до деревни, встретиться там с нотариусом по фамилии Федотов, узнать у него поподробнее, что ей причитается, и подписать бумаги.

Потом подать объявление о продаже можно и из дома.

Насчет того, что такси-«пузотерки» до Нижних Ложкарей не доедут, в гостинице не соврали. Стоило Жене добраться до конца длинной платформы, как перед ней открылся вид на рыжую грунтовую дорогу. В наличии имелись и рытвины, и крупные комья глины, в хаотичном порядке разбросанные то там, то здесь, и остробокие камни, некоторые из которых достигали весьма приличных размеров. Женя будто наяву услышала скрежет, с каким такие «красавцы» встретятся с автомобильным днищем.

Кроме того, сама дорога оказалась узкой, и вряд ли на ней смогли бы разъехаться два встречных транспортных средства. А если бы встретились... Впрочем, глубина канав вдоль обочин явно намекала, что ничего хорошего из этого бы точно не вышло.

«Да тут только на тракторе», — подумала Женя, и уже через пару секунд, присмотревшись, поняла, что не ошиблась: в засохшей глине отчетливо читался след от тракторных гусениц.

Заросший травой покосившийся указатель на обочине гласил, что до Нижних Ложкарей целых три километра. Немало, учитывая ландшафт и солнцепек.

— Прелестно, — проворчала Женя и, перебросив ремень спортивной сумки через плечо, чтобы освободить руки, потянулась к карману джинсов за телефоном.

Сглупила, что заранее не посмотрела расстояние от станции до населенного пункта и не договорилась о встрече у платформы. Наверняка нотариус мог это устроить — хоть бы и на тракторе, все не пешком. Теперь придется ждать...

Или *не*придется, поняла Женя, когда, смахнув заставку с экрана и щурясь от палящего солнца, рассмотрела индикатор антенны на верхней панели — сети не обнаружилось.

— Л-ладно, — разочарованно пробормотала она себе под нос и вернула телефон обратно — в задний карман.

Пешком так пешком. Выбора все равно нет.

И Женя начала осторожно спускаться по щербатым, частично раскрошившимся ступеням, ведущим с платформы.

То, что ей удалось спуститься, не переломав себе ноги и не заколовшись насмерть угрожающе торчащими концами арматуры, Женя сочла своей маленькой победой. Осталось дело за малым — преодолеть три километра, и дело в шляпе.

Женя расправила на груди широкий ремень сумки и уверенно двинулась по дороге вдоль гусеничного следа.

К такой жаре и пыли жизнь Женю не готовила, и уже через полчаса пути она вся взмокла и, казалось, пропиталась дорожной пылью насквозь. Волосы неприятно липли к разгоряченной коже на шее, глаза слезились от солнца (надо же было забыть взять солнцезащитные очки!) и опять же — от пыли. Пыль, пыль и солнце...

Пол-литровая бутылка воды, предусмотрительно взятая с собой, кончилась до обидного быстро, а дорога заканчиваться не собиралась. Хоть не разветвлялась, и на том спасибо — не хватало еще заблудиться.

Интересно, тут водятся дикие звери?..

Женя с подозрением покосилась на лес, раскинувшийся по обе стороны от дороги, и решила, что проверять не рискнет. Если и не животные, то клещи там найдутся наверняка. Так что как бы ни было велико желание спрятаться от солнцепека в тень, Женя предпочла потерпеть.

Сдула влажную прядь с лица и продолжила путь.

Телефон по-прежнему не подавал признаков жизни, и напрасно она проверяла сеть каждую сотню шагов. Глупо, конечно, так и батарею спустить недолго, и потом, даже когда появится связь, никто не сможет до нее дозвониться.

С другой стороны, вряд ли бы ей позвонил кто-то, кроме коллег или клиентов, которым, по закону подлости, всегда неймется в выходные. Так что, может, и к лучшему.

Вчера, когда Женя только приземлилась в аэропорту, она сразу отписалась мужу и дочери, чтобы не волновались. Юлька ответила стандартным «угу» — подростковый бунт не терпел сантиментов. А Витя пожелал удачи и сказал написать ему, когда будет вылетать домой. Так что звонков от нее никто до этого времени не ждал и сам связываться с ней явно не собирался.

А ведь раньше Витька звонил по пять раз в день просто спросить, как дела...

Женя невесело усмехнулась при этой мысли. Она даже не знала, когда между ними все расклеилось. И винить его одного тоже не могла. Когда муж уезжал в командировку в прошлом месяце, Женя сама не звонила ему неделями и не чувствовала в этом никакой необходимости.

Будь в их отношениях прежняя близость, наверное, Витя смог бы отложить дела и поехать с ней. Однако он обошелся скупым: «Будь осторожна». А она даже не подумала позвать его с собой.

Дочь пригласила и то скорее из вежливости. Но та ожидаемо фыркнула, что «деревенский вайб» не для нее. На том и порешили.

Женя тоже не рвалась в глушь. У них даже дачи не было, и Жене никогда ее не хотелось. Ну, то есть дачи в классическом понимании — с огородом, сараями и лопатами. От дачи у моря, где можно было бы лежать под зонтиком на шезлонге, она бы не отказалась. Но — не заработали пока.

Собственно, поэтому-то, когда Жене позвонил местный нотариус и сообщил, что ей в наследство достался домик в Нижних Ложкарях, она даже не колебалась: любая недвижимость не лишняя, пусть даже продать ее получится не дорого и не скоро. Пообещала приехать, купила билет на самолет и взяла на работе несколько отгулов — внезапность, совершенно Жене не свойственная, но в тот момент показавшаяся единственно верным решением.

Конечно, Женя могла обратиться к нотариусу в своем городе и решить все вопросы на расстоянии (дольше, но ведь и времени у нее полно), однако хотелось все же увидеть неожиданное наследство своими глазами, прицениться, так сказать, и прикинуть перспективы.

Тогда, всего-то на прошлой неделе, это казалось разумным решением. Сейчас, на жаре и на пыльной дороге, — уже не такой блестящей идеей.

Остановившись на совсем небольшом тенистом пятачке у края дороги (одно из деревьев с другой стороны канавы таки дотянулось до проезжей части и раскинуло над ней несколько веток), Женя отерла со лба пот и все же еще раз достала телефон из кармана.

Но нет, антенна не появилась. Только Витька с пятилетней Юлей на плечах смотрели со старой фотографии на заставке отчего-то укоризненно.

Глава 2

Нижние Ложкари выросли впереди неожиданно. Дорога вильнула, Женя повернула вместе с ней и сразу же увидела указатель с названием. Жилые дома начинались буквально через несколько метров от него. И какие это были дома...

Женя с досадой закусил губу, понимая, что подтвердились ее худшие опасения: вероятно, билет сюда и две ночи в отеле стоили больше, чем удастся выручить от продажи наследства. Ну, если почившая родственница не была подпольной миллионершей и не хранила в погребе золото-бриллианты, разумеется.

На это Женя, конечно же, не рассчитывала. Но и не собиралась раньше времени отчаиваться. В любом случае — уже приехала, надо все разузнать и только потом делать выводы.

Рыжая от глины дорога как шла, так и шла, только теперь с обеих сторон от нее не шумели листьями лес, а стояли небольшие одноэтажные домики. Стены: крашеные, побеленные, обитые толем, рубероидом или разного вида рейками. Двускатные крыши: черепичные, покрытые большими металлическими листами или все тем же черно-серым рубероидом. Кое-где виднелись гудроновые заплатки — неровные черные кляксы. Никакого единства стиля, строили и содержали дома кто во что горазд.

Заборы тоже отличались разнообразием: низкие из редкого штакетника, за которыми прекрасно просматривались дворы, высокие и глухие металлические, над которыми виднелись лишь крыши, и даже кованые решетчатые с острыми набалдашниками на столбиках, неприятно напоминающие кладбищенские ограды.

Пахло скошенной травой, землей и птичьим пометом. В него-то Женя едва не вляпалась кедами, когда шарахнулась от неожиданности в сторону — в одном из дворов неожиданно залаяла собака и бросилась к забору.

Забор этот был как раз из тех, за которыми не видно ничего, кроме крыши. Но, если судить по грому ханю тяжелой цепи и низкому мощному голосу, обитал в этом дворе кто-то не меньше теленка.

А дальше все покатилося как снежный ком. Как это обычно бывает в сельской местности, одна потревоженная собака взбаламутила соседских, и уже через минуту вся улочка наполнилась разноголосым лаем: от нервного и визгливого — кого-то мелкого и неопасного — до утробного и угрожающего, встреча с обладателями которого не предвещала ничего хорошего.

Собак Женя любила. Незнакомых — на поводках и в намордниках, и желательно прошедших обучение у кинологов. Лучше всего — через дорогу.

За заборами и на цепи — тоже ничего. Когда эффект неожиданности прошел, и Женя поняла, что никто не собирается ее есть, а только шумит, испуг прошел. Было по-прежнему громко, но не страшно.

А вот серо-коричневая дворняга, этакая смесь овчарки и волка, преспокойно дремлющая прямо на обочине не то что без цепи, но даже без ошейника, вновь заставила напрячься.

Женя замедлила шаг и, чутко следя за возможными изменениями в поведении собаки, постаралась пройти мимо нее, не привлекая к себе внимания. Конечно же, дворняга ее заметила, но — кажется, ход со спокойным шагом удался — даже не подняла с лап вытянутую морду и не открыла глаз. Лишь повела ушами и осталась спокойно лежать.

Вернее, осталась бы, если бы в этот момент из узкого прохода между двумя соседними штакетными заборами не появилась стайка гусей. Гусиный вожак при виде Жени немедленно раскинул в стороны крылья и, угрожающе наклонив голову, попер на чужачку с явным намерением попробовать ее на вкус.

Женя сняла с груди сумку, намереваясь в случае чего обороняться — с гусями она прежде не сталкивалась, но слышала, что щипаются они весьма ощутимо, — и не подумала, что размашистым движением потревожит собаку...

Гусь наступал с одной стороны. Женя выставила перед собой сумку, готовясь принять удар на нее, а не на свое колено. И в этот момент сзади, до противного очень-очень близко раздалось угрожающее рычание.

«Ну, приехали», — обреченно подумала Женя, медленно опуская руку с сумкой.

И не побежишь же...

— Эй, бедовая! Чего собак пугаешь?! — скрипучий старческий голос показался едва ли не музыкой.

Женя вскинула голову, ища его обладательницу. Через два дома, прямо по курсу, на скамейке под забором сидела старуха: в старомодной телогрейке, в коротких войлочных ботинках, из которых торчали толстые вязанные носки, и в плотном платке поверх волос. Это все при том, что жара стояла градусов тридцать.

— Я тебе, тебе! — «Хвостики» платка под подбородком задрожали и закачались, когда старуха окликнула ее вновь. — Чего встала, болезная?! Иди-ка сюда, коль помощь нужна!

— Здравствуйте! — запоздало откликнулась Женя, улыбнувшись, и даже сделала шаг вперед, как вдруг собака волко-овчарной наружности предупреждающе зарычала, напоминая о себе.

Женя замерла.

— Найда, а ну, фу! — осадил явно хорошо знакомую ей собаку старуха. — Фу! Пошла! — Замахала на псину руками.

Насколько Жене было известно, при агрессивно настроенных животных как раз не следует делать резких движений. Однако сработало. Собака лишь рыкнула напоследок, но и то скорее извиняясь, нежели зло, и, склонив голову, отступила.

— А ты иди, иди, — местная жительница снова замахала, на сей раз подзывая Женю к себе.

Женя послушалась. Тем более недружелюбно настроенные гуси тоже отстали — сменили курс и важно зашагали вдоль заборов.

— Спасибо вам, — вежливо поблагодарила Женя, приблизившись.

— Не за что, — прошамкала старуха. — Чай, не живодеры.

Она так и сидела на скамье. Сложила руки на рукоятке потертой трости, упертой кончиком в землю между широко разведенных коленей, и, подслеповато щурясь, вглядывалась в незваную гостью. В какой-то момент Женя сообразила, что стоит против солнца, и немного сместилась в сторону, давая женщине себя рассмотреть.

Однако прищур направленных на нее глаз стал только подозрительнее.

— Городская, — вынесла старуха вердикт.

«Столичная», — чуть было не лягнула Женя, но вовремя сдержалась.

— Городская, — кивнула, все так же вежливо улыбаясь. Больше на улице никого не было, и очень не хотелось тратить время на поиски еще кого-то, кто мог помочь ей сориентироваться на местности. — Я немного заблудилась, — честно призналась Женя. — Не подскажете, как найти контору нотариуса?

Видимо, ее вопрос не на шутку удивил, потому как глаза женщины широко распахнулись.

— Какую такую контору?

«Старческий маразм во всей красе», — подумала Женя, но от своего не отступилась.

— Нотариус, — пояснила терпеливо. — Федотов Иван... — Она мысленно чертыхнулась и полезла за телефоном. Глаза старухи снова сузились, но продолжали внимательно следить за ее действиями. — Федотов Иван Федорович, — прочла Женя имя контакта из телефонной книги. В горле, правда, пересохло, и пришлось перед этим откашляться.

— Он звонил мне недавно, назначил встречу у него в офисе.
Наконец на лице местной жительницы отразилось понимание.

— Ванька, что ли?

Иван Федорович...

— Ванька, Ванька! — обрадовалась Женя. — Подскажите, где он принимает? Мы условились созвониться на месте, но связи нет. — Она развела руками, продолжая держать телефон в ладони.

— Знамо дело, связи нет, — фыркнула старуха, как показалось Жене, как-то даже обиженно. — Вышку уже лет десять обещают, а воз и ныне там. Никому до нас дела нет... Эх! — Женщина махнула рукой, обрывая сама себя, а затем отвернулась и грустно уставилась куда-то вдаль.

Да уж.

— Простите, я не представилась, — Женя упрямо сделала еще один заход. — Меня зовут Евгения. А вас?

— Марья Никитична, — ответила старуха, нахмурившись. Вновь повернулась к Жене, на сей раз рассматривая ее с еще большим подозрением.

— Очень приятно! — Женя улыбнулась шире, как делала это на работе при общении с клиентами. — Марья Никитична, мне очень нужно найти Ивана Федоровича. Подскажите адрес? Или хотя бы в какую сторону идти?

Марья Никитична в ответ поджала тонкие бледные губы. Женя продолжила улыбаться («Ну сколько можно уже?!»).

— Так нет его, — наконец соизволила ответить Никитична. — Ванька в Ложкари раз в месяц нос кажет. Аккурат двадцать восьмого числа, ежели на будень выпадает.

«Ну слава богу, есть контакт!» — с облегчением подумала Женя.

— Да-да, сегодня как раз двадцать восьмое, пятница, будний день, — перечислила она. — Мы с ним и договорились встретиться, поэтому...

— Четверг, — перебила Марья Никитична.

— Что? — Пришел черед Жени хмуриться.

— Сегодня четверг, — безжалостно повторила старуха. — Я, чай, еще из ума не выжила. Четверг на дворе.

Вот только Женя точно помнила, что четверг был вчера, а договаривались они с Федотовым на пятницу, двадцать восьмое.

«Чай, тоже из ума еще не выжила», — передразнила она бабушку мысленно. Однако все же свайпнула по экрану телефона, снимая блокировку.

«Четверг, двадцать седьмое июля», — обнаружилось на экране, и Женю, несмотря на жару, бросило в холодный пот.

Перепутала! Ошиблась! Как такое возможно?

— Ну? — снисходительно поинтересовалась Марья Никитична.

— Ваша правда, — вздохнула Женя и сунула бесполезный телефон обратно в карман. — Можно? — кивнула на пустой край скамейки.

— Садись уж, бедовая.

Глава 3

Посидели. Женя водрузила сумку на колени, не снимая ремня с плеча, и откинулась спиной на забор позади скамейки. Солнце припекало, ужасно хотелось пить и поскорее оказаться в помещении с кондиционером. Здесь же есть кондиционеры, правда?..

От этой мысли стало еще больше не по себе. Зачесался кончик носа — неужели обгорел? И вообще, Женя вдруг почувствовала себя несчастной-несчастной, прямо-таки неудачницей года. Одна, неизвестно где, без связи, без поддержки, без близких... В глазах защипало.

— Чего приуныла, горемыка? — Как назло, Марья Никитична повернулась к ней как раз в момент позорного упадка духа.

Вовремя, на самом деле. Потому что горемыкой Женя быть не собиралась. Минута слабости — подумаешь. Дома она не нуждалась ни в чьей помощи, со всем справлялась, заключала многомиллионные сделки, между прочим. А тут — деревня и стая гусей. Нет уж, временные неприятности не выбьют ее из колеи.

— Устала просто, — соврала Женя и поднялась со скамьи, поправила ремень сумки. Марья Никитична подняла взгляд вслед за ней. — Спасибо, пойду я. Скажите, тут есть где-то поблизости магазин?

— А тебе зачем? — сощурилась старуха.

— Воды купить.

— Так я вынесу, коли пить хочешь.

Марья Никитична оперлась на клюку, явно намереваясь подняться, а Женя инстинктивно подалась вперед, чтобы ее остановить. Так и замерли.

Местная жительница выглядела вполне опрятно, но, сидя рядом, Женя успела заметить грязь под ее ногтями (должно быть, от работы в огороде), и Жене категорически не хотелось брать что-то из таких рук. Не столько боялась отравиться на самом деле, сколько банально брезговала. Не в пустыне от жажды умирает, в конце концов, потерпит.

— Не хочу вас утруждать, — пробормотала Женя, чтобы не обидеть.

Однако по взгляду старухи ей показалось, что та поняла истинную причину ее отказа без всяких слов.

Ладони на рукоятке трости расслабились — женщина передумала вставать.

— В конце улицы, — качнула головой влево. — Сельмаг там. До шести работает.

Женя очень рассчитывала, что до шести ее тут уже не будет.

Попрощалась и пошла своей дорогой.

Крупная женщина лет пятидесяти в легкомысленном фартуке в мелкий цветочек и белом колпаке, какие носили продавцы гастрономов лет тридцать назад, с ироничным прищуром наблюдала из-за прилавка, как Женя, в прямом смысле не отходя от кассы, жадно пьет воду из только что купленной пластиковой бутылки.

По-хорошему, стоило сперва выйти, но Женя хотела как следует расспросить местную жительницу, в отличие от прошлой знакомой явно не страдающую маразмом. А пить хотелось безбожно. Тем более вода оказалась из холодильника — как тут устоять.

— Еще две бутылки, пожалуйста, — попросила Женя, выбросив пустую тару в сиротливо притаившуюся в углу урну, и полезла в сумку за наличными. То, что в местном магазине не принимали банковские карты, ее ни капли не удивило.

Продавщица то ли хмыкнула, то ли крякнула, развернулась в узком проходе, каким-то чудом не свернув кассовый аппарат и продукты на полках напротив, и шагнула к холодильнику со стеклянной дверцей — единственному островку современности в этом месте.

— Пожалуйста! — Уже через минуту она брякнула быстро запотевающие бутылки на прилавок. — С вас четыреста рублей.

«Ну и цены», — про себя присвистнула Женя, тем не менее молча расплатилась. Учтывая, какая здесь дорога, проблемы с поставками в деревню должны быть нешуточные. Так что неприятно, но тоже ничего удивительного.

— Вы ж неместная. Может, подсказать чего? Кого-то ищете? — пока Женя убирала воду в сумку, попутно думая, как лучше завести разговор, продавщица заговорила сама.

— Да, спасибо, очень кстати. — Женя громко «вжикнула» молнией сумки и шагнула обратно к прилавку, облокотилась на него одной рукой. Ноги с непривычки гудели. — Я приехала к нотариусу, Ивану Федоровичу Федотову. Мы договорились о встрече, но я, кажется, перепутала дни.

Женщина моргнула, приподняв тонкие, почти полностью нарисованные косметическим карандашом брови едва ли не до самого колпака, и повернулась. Женя опять поймала себя на мысли, что, с ее габаритами, та умудряется помещаться за прилавком не иначе как чудом.

— Да, двадцать восьмое завтра, — подтвердила продавщица.

Женя проследила за направлением ее взгляда: на стене обнаружился перекидной календарь. «Четверг, двадцать седьмое июля», — безжалостно гласила дата на нем. Впрочем, это Жене уже было известно.

Уточнила на всякий случай:

— А не знаете, Иван Федорович всегда приезжает именно двадцать восьмого?

— Всегда.

— А он...

— В райцентре живет. Там и принимает, — охотно продолжила женщина. — Офис у него там, все дела.

— Важная птица? — с улыбкой уточнила Женя, заметив, как собеседница закатила глаза на последних словах.

— Тот еще павлин, — одобрительно усмехнулась собеседница. Значит, Женя истолковала ее реакцию верно. — Важный. Будто не тут родился и вырос... Я, кстати, Марина.

— Очень приятно, Евгения. Так Иван Федорович...

— Катается сюда раз в месяц. Кому доверка нужна, кому завешание...

— Ясно, — вздохнула Женя, беззвучно побарабанив пальцами по деревянному, когда-то лакированному, а теперь облезшему прилавку. — А до райцентра далеко?

— Часа два с лишним ехать, если торопиться.

Два часа — немало, но и не много, если посудить. Может, нотариус все-таки пойдет навстречу? До вечера далеко — успеет при желании.

— А можно воспользоваться вашим телефоном? — попросила Женя, решив попытаться уговорить нотариуса изменить планы и все-таки приехать сегодня.

Марина посмотрела на нее с тоской во взгляде.

— Связи у нас нет.

Женя кивнула.

— Вышку вам не построили, я знаю. Но стационарные телефоны у вас должны быть, правильно? Или, может, какое-то отделение связи? Почта? — чем дальше Женя говорила, тем больше слабел ее голос, и закончила она уже совсем тихо, потому что собеседница смотрела более чем красноречиво. — Что, совсем никакой связи с внешним миром?!

Марина развела руками.

— В том году еще дорогу ремонтировали: копали, повредили кабель. Вот, все едут чинить...

Женя еле сдержала нервный смешок. И живут же как-то в этой глуши!

— А интернет? — уточнила, придумав другой выход.

Даже если нет вайфая и не удастся подключить к сети свой телефон, то можно попросить направить Федотову письмо, или...

— Да если бы, — удрученно покачала головой Марина, взвалившись локтями на прилавок со своей стороны. — Все обещают, обещают.

— О господи, — вырвалось у Жени. — Бред какой...

— Зато лес красивый и воздух чистый, — ухмыльнулась Марина.

Так себе преимущество, на взгляд Жени. Если бы его, этот воздух, хотя бы гонял кондиционер... Женя с тоской оттянула влажный ворот рубашки у горла — пропотела насквозь, не до красот природы.

То, что связаться с Федотовым и перенести встречу на сегодня не удастся, стало очевидным. Тем не менее терять день полностью и уезжать ни с чем было совсем уж обидно.

— Марина, а вы не подскажете, где... — Женя быстро достала свой телефон (уровень зарядки показывал чуть меньше трети). — ...улица Зеленая, двенадцать?

Ей никто не ответил. Женя, не понимая, оторвала взгляд от экрана и посмотрела на продавщицу. Та пялилась на нее широко распахнутыми глазами.

— Что-то не так? — осторожно уточнила Женя.

— Так ты внучка Глафиры Гавриловны?!

— Эм-м... — Реакция не радовала. И свойское «ты» вдруг откуда ни возьмись... — Троюродная. Вроде бы.

Глафиру Ложкину Женя в глаза не видела. Дед когда-то упоминал двоюродную сестру, с которой они еще в молодости потеряли связь. Но сейчас и спросить было не у кого: бабушка с бабушкой давно умерли, родители и сами не знали.

— Ишь ты! — Марина залихватски присвистнула. — Как она тебя ждала-то!

При этом уставилась на Женю не моргая, прямо как на явление Христа народу.

— Э-э... Спасибо, — это все, на что ее хватило в ответ.

— Ждала, ждала. Дар, говорила, передаст — все мы заживем.

— Э-э... — ошалело моргнув, повторила Женя. — Какой дар? Вы имеете в виду наследство?

Но тогда при чем тут остальные, которые «заживут»? Рассчитывала, что внучка как неместная не станет мириться с отсутствием цивилизации и забросает администрацию жалобами?

— Ведьмин, — торжественным шепотом объявила Марина, прерывая поток рассуждений у Жени голове.

Женя снова моргнула. Это что, шутка такая? Однако собеседница смотрела на нее серьезно и даже чуть-чуть влюбленно. Да-а-а, дела-а-а...

Отсутствие связи и других благ неминуемо накладывает на людей отпечаток. Чем еще себя развлекать, как не всякими сказками? Тем не менее стало неудобно.

Женя оторвалась от прилавка, выпрямилась.

— Я пойду, пожалуй.

— погоди! — встрепенулась Марина. — Ты ж дом не найдешь! — Возвращаться на «вы» та, видимо, не собиралась.

— По дороге спрошу, — отмахнулась Женя, уже направляясь к дверям.

В конце концов, деревня крошечная. Сколько тут улиц? В трех соснах она заблудится, что ли?

— Женьк! — крикнула ей вслед Марина. — Ты, если что, заходи, подсоблю! И ночевать устрою!

«Женьк»? Серьезно? Женя тихонько усмехнулась себе под нос.

— Спасибо за предложение, я ненадолго, — ответила она сдержанно и вышла на солнечек.

Остаться ночевать неизвестно где и неизвестно у кого, чтобы слушать байки про ведьм?
Да как же! Ни за что.

Глава 4

«Заблудиться в трех соснах» Нижних Ложкарей и правда было невозможно. Сосен здесь, разумеется, нашлось гораздо больше, а вот улиц точнехонько три: Бархатная, Березовая и Зеленая. Благодаря чему родилось название «Бархатная», Женя не поняла, зато берез и всего зеленого в деревне и в ее окрестностях имелось в избытке.

В наследство, согласно письму нотариуса, ей достался домик по адресу: Зеленая, двенадцать. И найти его тоже не оказалось проблемой. Собственно, вся улица состояла из тринадцати домов: одиннадцать из них классически чередовались по принципу «четный — нечетный номер» по обе стороны дороги, двенадцатый и тринадцатый располагались в отдалении у самой кромки леса.

Женя замерла на небольшом пригорке, откуда открывался прекрасный вид на два стоящих особняком от других дома.

«Господи, скажите, что мой правый», — взмолилась она мысленно и даже зажмурилась, как в детстве, когда загадывала желание на день рождения.

Контраст между двумя домами был разительный. Правый: двухэтажный современный коттедж с параболической антенной на крыше и мансардой с балконом под ней. Высокий забор из недавно покрашенных металлических листов ярко сиял на солнце, отражая свет, — красный, под цвет черепицы.

Левый одноэтажный домик, для которого больше подошло бы слово «избушка», не шел со своим соседом ни в какое сравнение. Обветшалый, покосившийся, из потемневших от времени и сырости досок, с неровно сползшим шифером на крыше и черной от копоти узкой печной трубой.

Если первый был достоин публиковаться в журналах под лозунгом «Переезжайте в сельскую местность, тут свежий воздух и жизнь хороша!», то второй будто умолял всякого, кто на него посмотрит: «Снеси меня и прекрати наконец мои мучения».

У Жени имелись большие сомнения в том, что одинокая старушка могла позволить себе отстроить двухэтажный коттедж со всеми удобствами. Но надежда, как известно, умирает последней. Кроме того, односельчане считали Глафиру Ложкину ведьмой. Вдруг они были щедры взамен на «магические» услуги? Хорошо бы...

Женя осмотрелась вокруг, не увидела на улице никого, кроме кур, копающихся в пыли на обочине дороги, и медленно пошла вниз с пригорка — к домам.

«Хорошо бы правый, хорошо бы правый...»

Естественно, облезлая табличка с номером двенадцать оказалась на полуразвалившейся избушке.

«Ха-ха, раскатала губу», — пожурела Женя саму себя.

Она-то уже успела размечтаться, что можно ничего не продавать и оставить домик себе. Даже представила дочь, устроившейся в плетеном кресле-качалке на балкончике под крышей, и мужа с книгой на качелях во дворе. Да, во дворе такого дома непременно должны быть удобные качели на несколько человек. Женя могла бы кататься на них с Ви...

В висках вдруг закололо. Женя остановилась, прижав ладонь ко лбу и тяжело дыша. Неужели солнечный удар?

Через пару секунд отпустило, и Женя, вздохнув с облегчением, пошла дальше.

Так о чем она думала? Ах да, о дочери и о Ви... О Виталике, конечно! С ума сойти, что только не делают с человеком усталость и перегрев. Виталия и Алинка — ее семья.

Подумать только, пришлось приложить усилия, чтобы вспомнить имя собственного мужа!

Женя снова прижала ладонь ко лбу, но на сей раз тыльной стороной и не останавливаясь. Домой захотелось неумолимо.

Вблизи избушка с номером двенадцать оказалась в еще более удручающем состоянии, чем издалека. Пожалуй, Женя не рискнула бы туда вообще даже войти, не то что там ночевать. Казалось, толкни посильнее — и стены с крышей сложаются, как карточный домик.

Надо бы пройти на территорию, огороженную невысоким штакетным забором, по состоянию мало отличающимся от самого жилища. Посмотреть хотя бы, сколько там соток. Может, удастся-таки выручить приличные деньги за продажу участка?..

С этими мыслями Женя решительно шагнула к калитке. Дернула, но та не поддалась. Присмотрелась: оказалось, что дверца в заборе заперта изнутри — между штакетинами был виден край проржавевшей задвижки.

Достать сверху у Жени не хватило бы роста, поэтому она просунула руку между дощечек. Ближайшие к задвижке были расположены слишком часто, но ничего, если попробовать здесь и немного потянуться...

Женя как раз была в процессе выполнения своего плана, как вдруг справа от нее что-то стукнуло. Громыхнул, а потом мелко задрожал металлический лист соседней ограды, будто кто-то по нему ударил. Боковым зрением Женя уловила, что в ее сторону... несется нечто рыжее и мохнатое!

Под громкий собачий лай Женя рванулась от забора, чтобы хотя бы успеть встретить опасность лицом к лицу. Движение, естественно, вышло слишком резким и неаккуратным: острый край грубо обтесанного штакетника прошелся по тыльной стороне ладони, обдирая кожу. По ощущениям — до кости.

От неожиданной боли из глаз брызнули слезы. Женя зашипела сквозь зубы. Тем не менее было некогда не только жалеть себя, но и оценивать степень повреждений. Ох уж эта сельская местность с собаками куда ни глянь!

Наплевав на травму, Женя схватилась этой же рукой за сумку, висящую на ее боку, намереваясь отбиваться, и... Рыжий комок врезался ей в ноги прямехонько под вскинутой для обороны сумкой.

Верно говорят, у страха глаза велики. Кем-то громко лающим и быстрым оказалась корги, совсем невысокая ушастая собачка, мало того что не страшная, так еще и дружелюбная. Сперва она ткнулась носом Жене в голени, а потом и вовсе поднялась на две лапки, передними царапая по джинсам и пытаясь заглянуть в лицо. Вся задняя часть собачки, видимо, за неимением длинного хвоста, которым можно было бы вилять, при этом радостно ходила ходуном.

— Ты чего, маленькая? — опешила Женя, отодвинув сумку за спину, и протянула собаке ладонь, которую тут же облизали.

«Голова как у настоящей собаки, а тело как у игрушечной», — однажды пренебрежительно сказал о корги Женин муж. Ему всегда нравились крупные бойцовские породы, но их слишком хлопотно содержать в небольшой городской квартире. Правда, в итоге они вместе решили, что времени, денег и внимания требуют собаки любых размеров, как, впрочем, и кошки, и любая другая живность. Поэтому никаких питомцев, кроме равнодушных золотых рыбок, у них так и не завелось. Но это уже совсем другая история...

Собачка в ответ заскулила что-то на влюбленно-собачьем и снова лизнула Женю в ладонь. Женя засмеялась.

— Стеша, фу! Ко мне!

Корги с виноватым видом плюхнулась на все четыре лапы, оставив на Жениных светлых джинсах пыльные следы от лап и рыжие волоски, и повернулась на мужской голос.

Женя тоже подняла глаза.

— Ко мне! — строго повторил мужчина, вышедший из ворот коттеджа по адресу Зеленая, тринадцать. После чего корги Стеша, вздохнув совершенно по-человечески, потрусила к нему. — Извините, она иногда слишком дружелюбна...

И только когда незнакомец обратился непосредственно к ней, Женя поняла, что зависла, а может, даже не дышала эти несколько минут.

Ничего в хозяине корги особенного не было. Обычный мужчина лет тридцати пяти, то есть примерно возраста Жени. Выше нее где-то на голову, светловолосый, светлоглазый. Не худой и не толстый, широкоплечий. Руки, открытые благодаря коротким рукавам простой однотонной футболки, крепкие. На голубых джинсах ниже колен тоже заметны рыже-глиняные следы любвеобильности Стеша...

— Испачкала вас?

Видимо, Женя так долго гипнотизировала собачьи отпечатки на его брюках, что тот счел это намеком.

Женя моргнула и отмерла. Смущенно улыбнулась.

— Нет, все нормально, она очень милая. — И наклонилась, чтобы отряхнуть собственные штаны, а заодно и спрятать мечущийся взгляд.

Что это за тон вообще? Она ведь не флиртует, правда? Женя, вообще-то, замужняя женщина, и ее ждут дома. Наверное, ждут. Во всяком случае, она хотела, чтобы ждали.

А этого мужчину Женя видела в первый раз в жизни. И не красавец он вовсе, чтобы на него так пялиться и отвечать таким сладким голосом и смущаться. Просто улыбка у него располагающая. И собака добрая.

Тем не менее сердце теперь трепыхалось где-то под горлом. И Женя не могла объяснить свою реакцию никакими разумными доводами. Еще и кровь прилила к лицу — и вовсе не потому, что она наклонилась.

Незнакомец же не торопился облегчать ей задачу и, вместо того чтобы уйти, наоборот подошел ближе: в поле зрения Жени, слишком долго отряхивающей штанины, появились ноги в голубых джинсах.

— Ничего себе! Вы где это так? — спросил сверху участливый голос.

Женя перевела взгляд на свою руку, о которой, разволновавшись, совершенно забыла, и ахнула...

Глава 5

Женя сидела на качелях, а Илья (так представился владелец дома с красным забором и ушастой рыжей собачкой), устроился рядом и, положив на колени маленький чемоданчик-аптечку, обрабатывал ей поврежденную руку.

Естественно, во дворе этого прекрасного дома нашлись качели. Широкие, на которых спокойно могли бы поместиться трое. Как раз такие, какие Женя представляла недавно в мечтах.

Собственно, и сам коттедж был похож на ожившую мечту. Когда-то давно, в глубоком детстве, Женя рассказывала родителям, что однажды станет известной художницей, зарабатывает много денег и купит себе большой двухэтажный дом — непременно с красным высоким забором.

Художницей Женя не стала, в какой-то момент разлюбила рисовать и стала простым менеджером по продажам. Простым, конечно, только поначалу, уже не первый год она была ведущим специалистом отдела с гордой приставкой «топ-». Мечта о доме с забором тоже забылась — ну какие загородные коттеджи, когда вся жизнь и работа в городе? Квартира в хорошем районе и так больно ударила по их семейному бюджету.

Да и не хотела взрослая Женя никакую дачу, она недавно уже об этом думала. Но конкретно этот дом с красным забором вдруг разморозил детские воспоминания и раскрутил внутри водоворот противоречивых чувств. Как будто все неправильно, все не то. Словно маленькая Женя еще жива в этой, выросшей, скучной Жене, но она заблудилась и никак не может найти дорогу домой.

Глупости это все, ясное дело. Слишком много стресса сегодня, размякла...

— А вы случайно не врач? — пробормотала Женя, смагивая непрошеные слезы. С ума сойти, она даже не помнила, когда в последний раз позволяла себе плакать.

— Почему? — усмехнулся Илья, как раз накладывая на тыльную сторону ее ладони стерильную повязку.

— У вас очень... — Женя сглотнула. — ...хорошо получается.

Господи, да что с ней творится? Чуть не сказала «у вас очень нежные руки».

Благо новый знакомый в этот момент на нее не смотрел и не заметил, как Женя заалела щеками, будто семиклассница перед выпускником, внезапно сказавшим ей доброе слово.

Женя тоже отвернулась — на всякий случай.

— Да какой из меня врач, — все так же весело и легко отозвался Илья. — Вот все криво получилось. Но вроде... держится?

Должно быть, он в этот момент поднял к ней глаза, но Женя не решилась проверять свою догадку.

— Держится, — заверила, не глядя пошевелив рукой.

— Ну вот и славно. — Качели качнулись от движения, щелкнул замочек аптечки. — А я программист. Умею стучать по клавиатуре разве что. Ну и пластырь на разбитую коленку наклеить, если надо.

Женя не совсем поняла, как связана ее рука с коленками, но все же улыбнулась:

— Тоже полезный навык.

Наконец она осторожно повернула голову. О да, он на нее смотрел. Сидел рядом с уже закрытым чемоданчиком и прямо и открыто смотрел на Женю.

А она вдруг почувствовала, что тонет в этих голубых глазах и сама улыбается, глядя на эту улыбку. Бред какой-то, ее же дома ждет Валентин, а она...

— Мне, пожалуй, пора.

— Может, чаю? Раз уж из-за нас со Стешей вы получили ранение.

Они заговорили одновременно и одновременно же замолчали.

Илья хитро вскинул бровь, без слов повторяя свое предложение. И Женя не в силах противостоять желанию остаться здесь еще хотя бы ненадолго, улыбнулась в ответ и кивнула.

— Можно и чаю, если вы никуда не спешите.

— Не спешу, — уверил Илья, кажется, тоже довольный ее согласием. — Сегодня я совершенно свободен.

Женя неловко топталась на веранде, пока Илья выносил из дома чайник, чашки и печенье, несколько раз бегая в дом и обратно в компании Стеши. Внутри с собой он не приглашал, и Женя была этому даже рада — иначе, наверное, стало бы еще более неловко. Почему ей в принципе было неловко, но при этом категорически не хотелось уходить — другой вопрос.

А потом они устроились в плетеных креслах возле круглого столика со стеклянной крышкой, и неловкость растаяла. Стало легко, просто и уютно — как дома. Вернее, как должно ощущаться дома, однако в собственном доме, в кругу своей семьи Женя давно не чувствовала ничего подобного.

— Значит, вы не были знакомы с Глафирой Ложкиной, — вздохнула она, продолжая разговор, и потянулась за очередным печеньем.

Ужасно вкусное! А у нее сегодня ни крошки во рту не было.

— Нет. — Илья, сидящий напротив, развел руками в воздухе. — Только наслышан. — Женя красноречиво приподняла брови, и он пояснил: — Мол, жила тут раньше ведьма: и вылечит, если кто приболеет, и дождь призовет, если засуха, и...

— И приворот любовный сообразит, если надо? — весело подхватила Женя, припомнив, зачем обычно обращаются к ведьмам.

— Ну нет. — Неожиданно Илья ее тона не поддержал, а наоборот нахмурился. — Говорят, только добро творила, денег не брала, все от души.

И говорил, и смотрел он при этом так, что Жене стало стыдно. Она отвела взгляд и спряталась за ободком чашки в легкомысленный желтый цветочек.

— На самом деле, я вообще о ней ничего не знаю и никогда ее даже не видела, — призналась, смотря теперь куда угодно, только не на собеседника.

— Говорят, очень хорошая была, — пожал плечами Илья, не став заострять внимание на том, что Женя, не подумав, ляпнула ранее.

Отпил из своей чашки и от удовольствия сощурился, как кот на солнышке. Женя тайком залюбовалась. Бывают же такие люди: вроде и не красавцы, а смотреть на них хочется — глаз не оторвать. Смотреть и улыбаться.

— А вы, — не сдержала она любопытства, — сами-то как тут оказались? — В конце концов, Женя уже рассказала, что приехала из-за внезапно свалившегося на нее наследства, так почему бы не задать встречный вопрос? — Программист в деревне без интернета — само по себе звучит как анекдот.

Илья хитро на нее посмотрел.

— У меня информационный детокс, — произнес заговорщическим шепотом, и Женя еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Улыбалась в последний час она и так непривычно много. — Отпуск у меня, — продолжил Илья уже серьезнее, поставил опустевшую чашку на стол. — Далековато, конечно, занесло, но так уж получилось.

— То есть это не ваш дом? — Женя обвела взглядом веранду, на которой они сидели. Странно, но она почувствовала даже некое разочарование.

— Нет, не мой, — беспечно отозвался Илья, по-прежнему улыбаясь. — Снял на время отпуска. Вернее... — Он вдруг прервался, а улыбка с его лица исчезла. — Жена арендовала этот дом на лето еще в прошлом году. Я вообще не знал, а потом... вот.

Женя ведь тоже несвободна, дома ее ждет любящий (ей бы очень этого хотелось) муж. Так почему же от упоминания того, что едва знакомый ей мужчина женат, наивкуснейший сладкий чай загорчил?

Повисла неловкая пауза. И, кажется, на сей раз неловко стало не только Жене. Впрочем, она не рискнула бы дать точную оценку выражению лица Ильи. Но он точно больше не улыбался.

В этот момент Стеша резко подняла голову, наострив уши, и уже через мгновение с залиvistым лаем бросилась к воротам.

— Вернулись наконец, — усмехнулся Илья.

Женя вздохнула с облегчением, вновь видя улыбку на его лице.

Он поднялся со своего места, и она последовала его примеру.

Стеша уже приплясывала возле вошедших во двор сгорбленной старушки в цветастом платье и белом платочке на голове и светловолосого мальчика лет пяти — в шортах и футболке с Чебурашкой.

«Ах вот о каких разбитых коленках шла речь», — как-то отрешенно подумала Женя, глядя на следы зеленки на еще совсем не успевшей загореть бледной коже ребенка.

— Вот, привела в целости и сохранности, Илья Семеныч! — громко доложились старушка. — Как и обещала! Всегда рады! Заходите в гости!

Расстояние до ворот было не настолько большим, чтобы так кричать, но, видимо, пожилая женщина плохо слышала.

— Спасибо, Дарья Сергеевна! — так же громко откликнулся Илья и шагнул с крыльца. — Пойдем, с сыном познакомлю? — обернулся через плечо к Жене.

«Зачем?» — чуть было не вырвалось у нее, но она сдержалась и все-таки выдавила из себя улыбку.

Мальчик же почему-то все еще держал старушку за руку и никуда не спешил: ни к отцу, ни играть. Стоял и смотрел прямо перед собой. Болеет?

А когда Женя таки тоже спустилась по ступенькам и поравнялась с Ильей, тот вполголоса произнес:

— Егор такой с тех пор, как его мама погибла. Сделайте, пожалуйста, вид, что все нормально, ладно?

Женя резко вскинула к нему глаза. Илья серьезно смотрел в ответ.

— Ладно, — не менее серьезно кивнула Женя.

Глава 6

Глиняная рыже-желтая грунтовая дорога стелилась под ногами, над головой распласталось ярко-синее небо без единого облачка, палило солнце. Ни ветерка, ни крика птицы, как писал великий поэт. Правда, тот описывал летний вечер, а сейчас до заката было еще далеко, но отчего-то Жене на ум пришли именно эти строки. Забавно даже: она давно не вспоминала поэзию.

— Да вот как-то так... — рассказывал по дороге Илья.

Он шел, заложив руки за спину и глядя в основном себе под ноги. Иногда только поднимал взгляд, чтобы проследить, все ли в порядке с бегущим впереди сынишкой. Но за тем присматривала Стеша: как раз несколько минут назад бойкая собачка уже прогнала гусей, потянувших было шеи в сторону ребенка.

Проводив добрую соседку, Дарью Сергеевну, присматривающую за Егоркой последние несколько часов, еще немного поболтав и напоив мальчика чаем, они все вместе отправились прогуляться — фактически: проводить Женю.

Уезжать теперь абсолютно не хотелось, но до электрички, учитывая, как далеко идти до станции, времени оставалось уже впритык. А оставаться ночевать в деревне... Нет, просто нет.

Женя почему-то не сомневалась, что, если она намекнет, Илья наверняка выделит ей место для ночлега в своем просторном доме. Но ее реакция на этого мужчину была настолько ненормальной, что Женя предпочла уехать и не рисковать своим браком.

— ...Отпуск по плану, аренда дома давно оплачена. Вот и поехали. Тем более врачи рекомендуют Егору как можно больше бывать на свежем воздухе. Поэтому так.

Да, воздух тут и правда чудесный. Зря она сразу не согласилась с Мариной из сельмага.

— А он?.. — осторожно спросила Женя, переведя взгляд вперед, на Егорку.

Теперь тот вел себя как вполне обычный ребенок: бежал впереди, поднимал по дороге палочки и размахивал ими, будто мечом, играл со Стешей, которая норовила эти палки забрать. Только не разговаривал, совсем.

Илья пожал плечами.

— Врачи говорят: реакция на стресс. Что-то чисто психологическое. Физических отклонений нет.

— Давно?

— Уже почти год.

Женя закусила губу, не зная, что еще сказать. Малыша, потерявшего маму, было очень жаль. И его папу тоже — нелегко пришлось им обоим.

— Но прогноз хороший, — словно дав самому себе мысленный подзатыльник, Илья заговорил бодрее. — Сейчас передохнем — и снова в бой, лечиться.

Посмотрел он на Женю при этом весьма красноречиво, без слов говоря: «Нечего нас жалеть». Женя в ответ улыбнулась и кивнула, несмотря на то что эти слова не были произнесены вслух.

— Марья Никитична, здравствуйте! — крикнул Илья, приветственно подняв руку, когда они подошли к тому месту, где Женя впервые разговаривала с кем-то из местных.

Прошел не один час, а старушка все так же сидела на той же скамье, сложив ладони на упертой в землю между ног трости. Телогрейку, несмотря на жару, по-прежнему не сняла и даже не расстегнула.

Марья Никитична сперва подслеповато заморгала, приглядываясь, а затем растянула губы в подобии улыбки.

— Илья Семеныч! Здравствуй, здравствуй. Все бездельничаешь?

Найда, смесь волка и овчарки, любящая дрыхнуть посреди дороги, тоже до сих пор была здесь. Она лениво поднялась на длинные лапы и шагнула к корги. Женя успела испугаться, но Стеша и Найда только обнюхались, после чего мирно разошлись.

Егорка побежал дальше, размахивая очередной подобранной палкой, верная корги понеслась за ним, а местная волко-овчарка вновь плюхнулась в дорожную пыль.

— Как здоровье, Марья Никитична? — Илья тактично пропустил мимо ушей упрек за «безделье».

— Да ничего. Давление с утра было, а солнышко вышло — и полегчало.

— Не болейте, Марья Никитична!

— Так кто ж нас спросит!..

— А вы с Егором давно приехали? — любопытствовала Женя, когда они прошли мимо.

— М-м... — Илья задумчиво почесал светлую бровь. — Неделя как?

Женя рассмеялась.

— Ты меня спрашиваешь?

Да, где-то час назад они, не сговариваясь, плавно и совершенно естественно перешли на «ты».

— Да тут без связи все дни слились в один, — виновато улыбнулся Илья. — Примерно неделя.

— Уже со всеми местными, наверное, познакомился? — Женя склонила голову к плечу, рассматривая спутника. Что-то в нем все же было такое — настолько притягательное, что глаз от него оторвать было невозможно.

— Да тут три улицы по десять домов! — посмеиваясь, напомнил Илья. — Почти со всеми, да. Люди здесь добрые. И Егорку хорошо приняли.

Егорка... Женя опять перевела взгляд на маячившую впереди тонкую фигурку в голубых шортах и желтой футболке. Если на его папу почему-то все время хотелось смотреть и улыбаться, то мальчика вдруг нестерпимо захотелось догнать и обнять. Крепко-крепко.

Смутившись своих странных желаний по отношению к людям, с которыми познакомилась всего несколько часов назад, Женя опустила взгляд на собственные кеды.

Некоторое время они шли молча.

Потом подбежал Егор, чтобы показать отцу очередную палку-находку. Илья подхватил сына под мышки и несколько раз подбросил в воздух. Мальчик смеялся беззвучно, но все-таки смеялся. Внизу завистливо прыгала Стеша, тоже прося внимания и снова пачкая лапами светлые джинсы хозяина.

А Женя вдруг почувствовала, что она тут лишняя. И ее странная тяга к чужой семье вообще нечто болезненное и ненормальное. Нужно немедленно добраться до места, где будет ловить антенна, и позвонить мужу и дочери. И пусть Альбина скажет что-нибудь резко-вредное на своем подростковом, а Вадим поворчит, что устал с работы и ему не до болтовни, — услышать родные голоса Жене сейчас казалось чуть ли не жизненно важным.

— Пожалуй, дальше я пойду одна, — сказала она с извиняющейся улыбкой.

Илья как раз усадил сына к себе на плечи и, повернувшись к ней, удивленно вскинул брови.

— Зачем? Далеко же, мы проводим.

Женя покачала головой.

— Вот именно: далеко с ребенком.

— Так можно у деда Агафона трактор попросить и подбросить, — выдал новую идею Илья, которому явно тоже почему-то не хотелось прощаться.

Бывает же, что люди так совпадают с первого взгляда. У Жени прежде такого не было.

Она набрала в легкие побольше воздуха.

Решилась.

— Илья, — сказала твердо (это было непросто, потому что пришлось уворачиваться от палки Егора, чтобы не лишиться глаза или не схлопотать царапину на лице), — ты должен знать: я замужем. И я пойду дальше одна.

Илья на мгновение нахмурился, вглядываясь в ее лицо. Потом серьезно кивнул, что понял. Женя кивнула в ответ. Егорка на плечах отца продолжал размахивать палкой.

Женя развернулась и пошла прочь.

Завтра ей все равно придется вернуться для встречи с Иваном Федоровичем. Но она очень надеялась, что за ночь эмоции поулягутся.

Электричка пришла вовремя.

Женя вошла в совершенно пустой вагон и устало плюхнулась на сиденье. Стянула через голову сумку, бросила ее рядом и, откинувшись на спинку, прикрыла глаза.

Тяжелый день, выматывающий.

Завтра будет лучше. Должно быть.

Глава 7

Круг второй

«Уважаемые пассажиры! Поезд прибывает на станцию «Нижние Ложкари». При открытии дверей не выходите на платформу до полной остановки состава. Соблюдайте осторожность, не подходите к краю платформы. Прыгать с платформы запрещается!» — сообщили из громкоговорителя. И Женя, заранее сделавшая музыку потише, чтобы не пропустить объявление, вытащила гарнитуру из ушей — убрать в чехол, а затем в сумку.

Один наушник выскользнул из пальцев. Женя с трудом успела поймать его в полете. Еще чуть-чуть — укатился бы под сиденье, и тогда пиши пропало.

То ли дело старые добрые проводные. Главная проблема — распутать провода, если гарнитура долго валялась в сумке. Но сын утверждал, что это прошлый век, будущее за беспроводными гаджетами, и Женя поверила. Зря, привычка — вторая натура.

Раз Максим такой продвинутый, пусть и забирает современную вещь себе, а она, к своему облегчению, достанет старенькую проводную гарнитуру, которую мудро спрятала в комод, пожалев выкидывать. Наслушается, конечно, от сына лекций про староверов, далеких от прогресса. Но на то он и подросток, чтобы быть всем вечно недовольным — гормоны бушуют.

Впрочем, наушники мелочи — ясное дело. То, что Женя не выпалась на новом месте, досада посерьезнее. Во дворе отеля, где она остановилась, всю ночь кутила молодежь, и их гомон был слышен даже через закрытые окна. И теперь Женя беспрестанно зевала. Потому и включила музыку — чтобы не уснуть и не проехать свою остановку.

«Станция «Нижние Ложкари». При выходе из вагона соблюдайте осторожность. Прыгать с платформы запрещается!» — проскрипело из динамика.

Женя подхватила сумку и поспешила к дверям.

Всего и делов: встретиться с нотариусом, подписать необходимые бумаги, потом, может быть, посмотреть сам домик, неожиданно-негаданно доставшийся ей в наследство от дальней родственницы, — и можно возвращаться домой.

Если Женя плохо спала в отелях, то в самолетах всегда высыпалась прекрасно.

Когда она вышла из электрички на пустую платформу, то выяснила, что антенна телефона здесь не ловит. К сожалению, договоренности о встрече на станции с нотариусом не было. Остановок общественного транспорта поблизости не обнаружилось. Пришлось идти пешком.

«Подумаешь, прогуляюсь», — оптимистично подумала Женя.

Однако к такой жаре и пыли жизнь ее не готовила. К тому же в рельефе дороги из засохшей глины запросто можно было переломать себе ноги, если зазеваться. Поэтому пришлось пыхтеть, обливаться потом и каждый шаг быть настороже.

Еще и лес — рукой подать, манящий своей тенистой прохладой и одновременно отпугивающий: наверняка там водится кто-то хищный и опасный. Если не дикие звери, то клещи — всенепреренно.

Так что дорога до Нижних Ложкарей вышла скорее полосой препятствий или гонкой на выживание, нежели приятной прогулкой.

Связь так и не появлялась. И напрасно Женя проверяла сеть каждую сотню шагов: над значком антенны горел унылый крестик.

Она тяжело вздохнула, бросив взгляд на фото улыбающихся мужа и сына на заставке экрана, и, решительно убрав телефон обратно в задний карман джинсов, зашагала по солнцепеку дальше.

Однако теперь к удушающей летней жаре добавились нерадостные мысли о родне.

На сообщение «Мы сели!», которое Женя отправила в общий семейный чат сразу после приземления самолета в аэропорту, Юрка скупно ответил реакцией с поднятым вверх большим пальцем, а Макс вообще проигнорировал. Значит, еще дулся, что мать не пустила его на байкерский фестиваль, проходящий как раз во время ее отсутствия в городе.

А вдруг сын как раз сейчас передумает обижаться, позвонит и не дозвонится?

«Ха-ха, — Женя тут же посмеялась сама над собой, — с каких пор тринадцатилетние мальчишки дуются на мать меньше недели?»

Хотелось только надеяться, что отец не решит в противовес ее словам отпустить сына на все четыре стороны. Потому что в последнее время казалось, что все, что говорил или делал Юра, говорилось и делалось ей назло.

А ведь когда-то они жили душа в душу. В какой момент все пошло не так?..

Не то чтобы после такой дороги Женя ждала, что Нижние Ложкари впечатлят ее своим внешним видом, но все же в глубине души она надеялась, что все окажется не так плохо. Оказалось хуже. И впечатлило, что уж, только совсем не в том смысле, в каком бы ей хотелось.

Подтвердились ее худшие опасения: Нижние Ложкари оказались не просто небольшим населенным пунктом вдали от крупных городов — Нижние Ложкари были настоящей глухоманью, до которой не добрались блага цивилизации.

И да, сеть не появилась даже внутри деревни.

Как же они тут живут без сотовой связи? Неужели у всех только стационарные телефоны, как много лет назад? Вышел на улицу — и все, пишите письма?

Ну, может, хотя бы дом почившая дальняя родственница оставила ей добротный. Некоторые ведь любят проводить отпуска вдали от шумных городов — покупатель найдется.

«Хоть бы, хоть бы...» — мысленно взмолилась Женя.

Было бы ужасно жаль, если бы ей пришлось проделать весь этот путь зря.

А пока она шла по глиняной дороге и с тоской смотрела на дома и заборы. И какие это были дома и заборы! Никакого единства стиля, строили и латали свое имущество кто во что горазд.

Нога профессионального строителя здесь, очевидно, не ступала ни разу. Даже по тем домам, которые выглядели прилично и почти богато по сравнению с покосившимися облезлыми соседями, было сразу видно, что строились они самостоятельно.

Да еще и достраивались, когда не хватало места или вдруг находились деньги. Женя несколько минут с любопытством разглядывала домик, обросший сразу пятью пристройками, разной высоты и разного стиля: деревянные, в рубероиде, в сайдинге и даже в какой-то стеклянной плитке явно прошлого века выпуска.

Под лай дворовых собак, учуявших присутствие чужачки, Женя чуть не вляпалась в птичий помет, которым щедро удобряли дорогу гуляющие тут и там куры. Потом убегала от агрессивных гусей, вынырнувших откуда-то сбоку, то ли из подворотни, то ли из прохода между участками. А в довершение — едва не наступила на спящую на дороге собаку овчарко-волчьей наружности.

Какой прекрасный день, господи! Зачем она вообще сюда поехала?!

И только Женя схватилась за висящую на ее боку сумку, намереваясь обороняться от страшно зарывавшей на нее разбуженной собаки, как вдруг откуда-то неподалеку раздался старческий скрипучий голос:

— Эй, бедовая! Чего собак пугаешь?!

Женя вскинула голову, ища его обладательницу: прямо по курсу на скамейке под забором сидела старуха в старомодной телогрейке не по погоде.

— Я тебе, тебе! — От движения подбородка «хвостики» платка под ним закачались. — Чего встала, болезная?! Иди-ка сюда, коль помощь нужна!.. Найда, а ну, фу! Фу! Пошла!.. А ты иди, иди, — отпугнув собаку, местная жительница нетерпеливо замахала Жене, подзывая ее к себе.

Женя послушалась.

— Спасибо вам, — вежливо поблагодарила она, приблизившись.

— Не за что, — прошамкала старуха. — Чай, не живодеры...

Глава 8

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.